

Посвящается Пегги Дэвис

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом. Уверен, некоторые читатели предпочтут другие варианты тех географических названий, что приведены в списке ниже, но я обычно использую написание, которое дает «Оксфордский» или «Кембриджский словарь английских географических названий» для эпохи, относящейся примерно ко времени правления Альфреда — 871–899 годам н. э., хотя и это не является непреложной истиной. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

- Абергвайн* — Фишгард, Пемброкшир
- Аленкастр* — Алстер, Уорикшир
- Бембанбург* — Бамбург, Нортумберленд
- Бемфлеот* — Бенфлит, Эссекс
- Брунанбург* — Бромборо, Чешир
- Вилтунскир* — Уилтшир
- Винтанкестер* — Винчестер, Гемпшир
- Вирхелум* — полуостров Уиррел, Чешир
- Глевекестр* — Глостер, Глостершир

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Дефнаскир* — Девоншир
Кадум — Кан, Нормандия
Кракгелад — Криклейд, Уилтшир
Кумбраланд — Камбрия
Лунден — Лондон
Лунди — остров Ланди, Девон
Мэрс — река Мерси
Нейстрия — западная часть Франкии, включавшая Нормандию
Селтвик — Дройтуич, Вустершир
Сестер — Честер, Чешир
Сирренкастр — Сайренсестер, Глостершир
Скиребурнан — Шерборн, Дорсет
Сэферн — река Северн
Теотанхель — Теттенхолл, Западный Мидленд
Тиддеви — Сент-Дэвидс, Пемброкшир
Торнсэта — Дорсет
Фагранфорда — Фейрфорд, Глостершир
Феарнхэм — Фарнхэм, Суррей
Эвесхом — Ившем, Вустершир
Эофервик — Йорк

Часть первая

УМИРАЮЩИЙ ЛОРД

Глава первая

Мой сын выглядел усталым и злым. Он промок, был покрыт грязью, волосы — словно сырой стог после того, как на нем от души покувыркались, один сапог порезан. Там, где лезвие рассекло лодыжку, на коже сапога темнело пятно, но парень не хромал, поэтому беспокоиться за него не стоило. Вот только пялился на меня как слабоумный.

— Не надо так на меня таращиться, — посоветовал я. — Купи мне лучше эля. Скажи девчонке, пусть нацедит из черной бочки. Ситрик, рад тебя видеть.

— И я тебя, господин, — ответил Ситрик.

— Отец! — воскликнул сын, все еще хлопая глазами.

— А ты думал кто? — спросил я. — Дух Святой?

Я подвинулся, освобождая для них место на скамье.

— Садись рядом и расскажи мне новости, — велел я Ситрику. Потом обратился к Утреду: — Перестань глазеть, и пусть какая-нибудь из девушек принесет нам эля. Из черной бочки!

— А почему именно из черной, господин? — поинтересовался Ситрик, усаживаясь.

— Тот эль сварен из нашего ячменя, — пояснил я. — Хозяин приберегает его для тех, кто ему по нраву.

Я привалился к стене. Сидеть наклонившись вперед было больно. Впрочем, так же, как и сидеть прямо, и просто дышать. Болело все, и оставалось лишь удивляться,

что я вообще выжил. Кнут Длинный Меч почти прикончил меня своей Ледяной Злостью, вот только Вздох Змея перепилил ему глотку в тот самый миг, когда его клинок сломал мне ребро и пронзил легкое. «Господи Иисусе! — живописал мне Финан. — Трава была скользкой от крови. Казалось, будто свинью к Самайну¹ закололи».

Но скользко там стало в основном от крови Кнута. Сам Кнут был мертв, а его армия разбита. Данов изгнали из большей части Северной Мерсии, и саксы возносили благодарственные молебны своему пригвожденному Богу за Его заступничество. Многие из них наверняка молились и об избавлении от меня, но я выжил. Они христиане, я — нет, но ходили слухи, что жизнь мне спас христианский священник. Этельфлэд перевезла меня на повозке в свой дом в Сирренкастре, и за мной приставили ухаживать попа, прославившегося как хороший лекарь и костоправ. Этельфлэд рассказывала, что он ввел мне камышинку через ребра и изнутри вышел сгусток смрадного воздуха. «Он вырвался наружу и вонял, как сточная канава», — сообщила она. «Зло покинуло его», — пояснил священник. А может, то были ее слова. Потом врачеватель приложил к ране коровью лепешку. Навоз запекся коркой и, по заверениям попа, не дал злу вернуться обратно. Правда это или нет? Понятия не имею. Знаю только, что после многих недель боли, недель ожидания смерти и уже какое-то время после наступления нового года я сумел снова подняться на ноги. Теперь, почти два месяца спустя, я мог сесть на лошадь либо пройти с милю или около того, но прежняя сила ко мне так и не вернулась, и Вздох Змея казался слишком тяжелым для моей руки. Постоянная боль, подчас терпимая, подчас невыносимая, и день за днем, без исключения, из раны сочился вонючий гной. Видимо, христианский кол-

¹ *Самайн* — кельтский Новый год, отмечается 1 ноября.

дун запечатал рану прежде, чем из нее вышло все зло. Подчас мне думалось, что он сделал это намеренно, ведь христиане меня ненавидят, по крайней мере большинство из них. Они улыбаются, распевают свои псалмы и проповедуют, что их вера — это любовь, но скажи им, что поклоняешься другому богу, и любовь сразу сменяют ярость и злоба. Так что по большей части я чувствовал себя старым, разбитым и ненужным и иногда даже сомневался, хочу ли жить.

— Господин, как ты здесь очутился? — спросил Ситрик.

— На лошади прискакал, конечно. А ты что подумал?

Это было не совсем точно. От Сирренкастра до Глевекестра рукой подать, и часть путешествия я действительно проделал верхом, но за пару миль от города забрался в повозку и улегся на подстилку из соломы. Боги, как тяжело было укладываться там! Потом я велел ввезти себя в город и, когда меня увидел Эрдвильф, застонал и сделал вид, что слишком слаб и не узнаю его. Сальноволосый ублюдок держался рядом с повозкой и мел своим шелковым лживым языком.

— Лорд Утред, воистину печально видеть тебя таким, — болтал он, подразумевая, что предпочел бы видеть меня вообще недвижимым, а лучше умирающим. — Ты подаешь пример всем нам!

Он говорил очень медленно и громко, как со слабым. Я только стонал и не произнес ни слова.

— Мы не ожидали увидеть тебя снова, — продолжал мерзавец. — А ты живой.

Ублюдок.

Витану предстояло собраться в День святого Кутберта. Вызов, скрепленный печатью Этельреда с изображением лошади, требовал явиться в Глевекестр всем главным мужам Мерсии: олдерменам и епископам, аббатам

и танам. В документе говорилось, что повелитель Мерсии созывает их «держат совет», но слухи утверждали, что повелитель Мерсии превратился в жалкого калеку, который мочится под себя, и что витан собирают, дабы одобрить какую-то подлую затею Эрдвульфа. Я не ожидал вызова, но, к моему изумлению, гонец вручил мне пергамент, тяжелый от подвешенной большой печати Этельреда. Зачем я им там понадобился? Я считался главным сторонником жены лорда, и тем не менее меня пригласили. Не позвали никого из знатных, кто стоял на стороне Этельфлэд, кроме меня. Почему?

— Он хочет убить тебя, господин, — предположил Финан.

— Да я и так одной ногой в могиле. Зачем утруждатьсь?

— Ты нужен ему там, потому что они хотят вывалить Этельфлэд в дерьме, — продолжал строить догадки Финан. — И если ты будешь там, они не скажут, будто за нее никто не вступился.

Довод показался мне сомнительным, но другой на ум не приходил.

— Может, и так.

— И им известно, что ты еще не оправился и не сможешь причинить хлопот.

— Может, и так, — повторил я.

Было очевидно, что витан призван определить будущее Мерсии. Столь же очевиден был факт, что Этельред предпримет все, чтобы его постылая жена не стала частью этого будущего. Тогда зачем приглашать меня? Я буду выступать за нее, это им ясно. Как и то, что я ослаблен раной. Неужели я понадобился только для того, чтобы создать видимость учета всех мнений? Мне это казалось странным, но если они думают, что немощь мешает мне отстаивать свою точку зрения, то есть смысл укрепить их в этом заблуждении. Именно поэтому я позабо-

тился предстать перед Эрдвильфом в таком жалком виде. Пусть ублюдок считает меня беспомощным.

Да я и есть почти беспомощный. Вот только жив.

Сын принес эля и, пододвинув стул, сел рядом. Он тревожился на мой счет, но я отмел его вопросы и стал задавать свои. Утред поведал про бой с Хаки, пожаловался на Эрдвильфа, похитившего рабов и добычу.

— Как мог я остановить его? — развел руками он.

— А тебе не следовало его останавливать, — сказал я и в ответ на его озадаченный взор пояснил: — Этельфлэд знала, что так и будет. Иначе разве стала бы посылать тебя в Глевекестр?

— Но ей нужны деньги!

— Поддержка Мерсии нужна ей сильнее, — промолвил я. Недоумевающее выражение не сходило с лица парня. — Отправив тебя сюда, она показала, что сражается. Если бы ей на самом деле требовались деньги, она послала бы рабов в Лунден.

— Неужели она думает, что горстка рабов и пара телег с ржавыми кольчугами возымеют какое-то действие на витан?

— Ты в Сестере хоть одного человека Этельреда встретил?

— Нет. Ясное дело, нет.

— А каков первый долг правителя?

Сын на пару мгновений задумался.

— Оборонять свою землю?

— И если Мерсия подыскивает нового правителя...

— Ей понадобится кто-то, кто умеет драться? — неуверенно предположил Утред.

— Кто-то, кто умеет драться, — подтвердил я. — А еще вести за собой и вдохновлять.

— Ты? — спросил он.

Я едва не вlepил ему подзатыльник за тупость, но передо мной сидел уже не мальчишка.

— Не я.

Сын в задумчивости нахмурил лоб. Он знал ответ, который я требовал, но был слишком упрям, чтобы дать его.

— Эрдвильф? — Сын выдвинул новое предположение. Я молчал, и он поразмыслил еще немного. — Эрдвильф сражался с валлийцами, и воины хорошо отзывались о нем.

— Он сражался с голозадыми конокрадами, больше ни с кем, — презрительно бросил я. — Когда валлийская армия в последний раз вторгалась в Мерсию? Кроме того, Эрдвильф не из знати.

— Но если он не может вести Мерсию, то кто сможет? — медленно промолвил сын.

— Ты знаешь кто. — И раз он все равно отказался озвучить имя, я назвал его сам. — Этельфлэд.

— Этельфлэд... — повторил Утред, потом покачал головой.

Я знал, что парень недолюбливает ее, а возможно, даже побаивается. Знал и то, что она относится к нему пренебрежительно, как и к своей собственной дочери Эльфинн. В этом Этельфлэд была дочерью своего отца — терпеть не могла легкомысленных и беспечных людей и ценила серьезных, воспринимающих жизнь как трудную работу. Со мной она ладила, наверное, потому, что знала — в битве я так же серьезен и обстоятелен, как любой из ее занудных попов на службе.

— Так почему не Этельфлэд? — поинтересовался я.

— Потому что женщина, — ответил Утред.

— Ну и что?

— Женщина!

— Это я знаю! Видел ее голой.

— Витан никогда не доверит женщине власть, — твердо заявил он.

— Это верно, — встрял Ситрик.

— Тогда кого же им выбрать? — поинтересовался я.

— Ее брата? — предположил сын.

В этом имелся смысл. Эдуард, король Уэссекса, желал заполучить трон Мерсии, но не хотел просто прийти и взять его. Ему требовалось приглашение. Быть может, витан собирается именно для того, чтобы согласовать это решение? Другой причины созывать на совет знать и высших церковников я не видел. Есть смысл избрать преемника сейчас, пока Этельред не умер, и тем самым избежать интриг, а то и открытой междоусобицы, которые подчас следуют за смертью правителя. Я твердо знал, что самого Этельреда порадует, если жена не унаследует за ним власть. Он скорее даст бешеным псам откусить ему яйца, чем допустит такое. Но кто же унаследует ее? Не Эрдвульф, в этом я не сомневался. Он человек толковый, в достаточной степени наделен отвагой и не дурак. Но витан хочет видеть во главе государства представителя знати, а Эрдвульф хоть и не безродный, но и не олдермен. Да и нет в Мерсии такого олдермена, который на голову превосходил бы прочих претендентов, за исключением, возможно, Этельфрита, что владеет обширными землями к северу от Лундена. После Этельреда он был богатейшим олдерменом Мерсии, но сторонился Глевекестра и его раздоров, держался западных саксов и, насколько мне было известно, не удосужился даже приехать на витан. Впрочем, решение витана, скорее всего, не будет иметь никакой цены, потому как в конечном счете именно западные саксы определяют, кто лучше всех подходит для Мерсии.

По крайней мере, так я думал.

И поторопился с выводами.

Витан начался — само собой разумеется — с утомительной службы в церкви Святого Освальда, бывшей частью выстроенного Этельредом аббатства. Я пришел

на костылях, в которых не нуждался, но решил выглядеть более больным, чем на самом деле. Аббат Риксег встретил меня с почетом, попытался даже отвесить поклон, что оказалось нелегко, так как пузо у него было как у беременной свиноматки.

— Господин Утред, печально видеть тебя в нездоровье, — заявил он, что означало на самом деле его готовность прыгать от радости, если бы не треклятое сало. — Да хранит тебя Господь, — добавил аббат, перекрестив меня пухлой ладошкой, а про себя наверняка молился своему Богу, чтобы тот разразил меня молнией.

Я поблагодарил его с таким же лицемерием, с каким он меня благословил, потом уселся на каменной скамье в конце храма и прислонился к стене. По обе стороны от меня расположились Финан и Осферт. Риксег расхаживал туда-сюда, встречая гостей. С улицы доносилось бряцание оружия. Сына и Ситрика я оставил там, чтобы никакой ублюдок не украл Вздох Змея. Я привалился головой к стене и пытался прикинуть стоимость серебряных подсвечников, стоящих по бокам от алтаря. Здоровенные были штуковины, тяжелые, как боевой топор. От них распространялся аромат воска, а свет дюжины свечей отражался от серебряных реликвариев и золотых чаш, стоящих на алтаре.

Хитрая эта организация, христианская Церковь. Едва лорд становится богат, он строит храм или монастырь. Этельфлэд настояла на возведении в Сестере церкви еще до того, как начала укреплять стены и углублять ров. Я доказывал, что это пустая трата денег, что она всего лишь построит заведение, где попы вроде Риксега станут набирать жирок, но Этельфлэд стояла на своем. Сотни мужчин и женщин живут при церквях, в аббатствах и монастырях, основанных лордами, и по большей части не делают ничего, кроме как едят, пьют да бубнят время от времени молитвы. Монахи работают, конечно. Они

трудятся на полях, полют огороды, рубят лес, таскают воду и переписывают книги, но все ради того, чтобы их начальники могли жить как аристократы. Ловкий план — заставлять других работать, чтобы самому наслаждаться роскошью. Я зарычал негромко.

— Церемония скоро закончится, — попытался утешить меня Финан, решивший, что мой рык вызван болью.

— Не приказать ли принести вина с медом, господин? — спросил озабоченный Осферт.

Осферт был незаконнорожденным сыном короля Альфреда, и более достойный человек не ступал еще по земле. Я часто пытался представить, какой государь вышел бы из него, родись Осферт от жены, а не от перепуганной служанки, задравшей юбки ради королевской прихоти. Из него мог получиться великий правитель, справедливый, умный и порядочный, но на нем вечно лежало клеймо бастарда. Альфред хотел сделать сына священником, но Осферт упрямо выбрал путь воина, и мне посчастливилось заполучить его в свою дружину.

Я смежил веки. Монахи пели, а один из колдунов размахивал металлической чашкой, подвешенной на цепи, заполняя церковь дымом. Я чихнул — это было больно, — потом у двери началась вдруг суматоха. Я подумал, что прибыл Этельред, но, открыв глаза, увидел епископа Вульфхерда со сворой попов-прихлебателей.

— Если тут затевается заговор, то этот любитель мять сиськи в самой его гуще.

— Не так громко, господин, — упрекнул меня Осферт.

— Любитель мять сиськи? — переспросил Финан.

Я кивнул:

— Так мне сказали в «Снопе».

— О нет! Нет! — возмутился Осферт. — Не может быть, он ведь женат!

Я расхохотался, потом снова закрыл глаза.

— Не стоит тебе говорить подобные вещи, — заявил я Осферту.

— Почему, господин? Это ведь просто грязные слухи! Епископ женат.

— Не стоит, потому что мне больно, когда я смеюсь, — сказал я.

Вульфхерд был епископом Херефордским, но бóльшую часть времени обретался в Глевекестре, потому как именно тут хранились глубокие сундуки Этельреда. Вульфхерд ненавидел меня и сжег мои постройки в Фогранфорде в попытке выжить меня из Мерсии. Он не принадлежал к породе жирных священников, а, напротив, был тощ как тесак. При виде меня его суровое лицо расплылось в принужденной улыбке.

— Господин Утрэд!

— Вульфхерд, — буркнул я в ответ.

— Рад видеть тебя в храме, — продолжил он.

— Но только не с этим, — прошипел один из его приспешников.

Я открыл глаза и понял, что он указывает на молот, висящий у меня на шее. Это был символ Тора.

— Осторожно, поп, — предостерег я, хотя был слишком слаб, чтобы наказывать за дерзость.

— Отец Пенда, давай помолимся, чтобы Господь вразумил лорда Утрэда отринуть свои языческие побрякушки, — сказал Вульфхерд. Потом обратился ко мне: — Бог прислушивается к нашим молитвам.

— Неужели?

— Я молился о твоём выздоровлении, — солгал прелат.

— И я тоже, — заметил я, прикоснувшись к молоту Тора.

Вульфхерд улыбнулся уклончиво и отвернулся. Попы последовали за ним, как цыплята за наседкой, все, кроме молодого отца Пенды, который стоял и с вызовом смотрел на меня.

— Ты бесчестишь храм Божий! — громко заявил он.
— Просто уйди прочь, отец, — посоветовал Финан.
— Это мерзость! — Священник едва не сорвался на крик, указывая на мой молот. В нашу сторону стали поворачиваться головы. — Мерзость в глазах Господа!

Потом Пенда наклонился в попытке сорвать с меня молот. Я ухватил его за черную рясу и притянул к себе. Усилие отозвалось в левом боку вспышкой боли. Ряса, прижатая к моему лицу, была влажной и воняла навозом, зато скрыла мое лицо, искажившееся от боли, пронзившей рану. Я судорожно вздохнул, затем Финану удалось оторвать попа от меня.

— Мерзость! — заорал Пенда, которого тащили прочь.

Осферт приподнялся в намерении помочь ирландцу, но я ухватил его за рукав и остановил. Пенда снова бросился на меня, но двое из приятелей-попов вцепились ему в плечи и увлекли прочь.

— Глупец прав, — сурово заметил Осферт. — Тебе не следовало надевать молот, идя в церковь, господин.

Я вжался спиной в стену, стараясь дышать ровнее. Боль накатывала волнами, то острая, то тупая. Кончится это когда-нибудь? Мне так надоело терпеть, и, возможно, боль притупила мой разум.

Я думал, что Этельред, повелитель Мерсии, умирает. Это было очевидно. Удивительно, что он протянул так долго, но витан определенно собрался с целью обсудить последствия его смерти. И я только что узнал о приезде в Глехекстр олдермена Этельхельма, тестя короля Эдурарда. В церкви его не было, по крайней мере, я не видел, а не заметить его трудно, потому как человек он крупный, общительный и шумный. Я симпатизировал Этельхельму и ни на грош не доверял ему. И он прибыл на витан. Откуда я узнал? От отца Пенды, этого злопыхающего священника, своего лазутчика. Пенда находился у меня на жалованье, и, когда я притянул его к себе, он

прошептал: «Этельхельм здесь. Приехал этим утром». Он хотел добавить что-то еще, но тут его утащили.

Я внимал пению монахов и гудению попов, собравшихся вокруг алтаря, где огоньки свечей играли на большом золотом распятии. Алтарь был пуст, и в его чреве лежал массивный серебряный гроб, украшенный хрустальными вставками. Один этот саркофаг стоил дороже всей церкви. Наклонившись и вглядевшись сквозь маленькие хрусталики, можно было различить скелет, покоящийся на дорогом синем шелке. По особым дням саркофаг открывали, скелет выставляли на всеобщее обозрение, и я слышал о чудесах, которые случались с людьми, заплатившими за право прикоснуться к желтым костям. Волшебным образом исчезали чирьи и бородавки, хромые начинали ходить — и все благодаря останкам якобы святого Освальда. Будь это так, это само по себе стоило назвать чудом, потому как нашел их я. Вероятно, они принадлежали неизвестному монаху, хотя с таким же успехом могли быть скелетом какого-нибудь свинопаса. Но когда я говорил об этом отцу Кутберту, тот заявлял: не один и не два свинопаса причислены к лику святых. Этим христианам ничего не докажешь.

Помимо тридцати-сорока священников, в церкви присутствовали по меньшей мере сто двадцать человек. Все стояли под высокими балками, между которыми летали воробьи. Религиозная церемония должна была пролить благословение пригвожденного Бога на думы витана, поэтому никого не удивило, когда епископ Вульфхерд произнес убедительную проповедь о мудрости того, кто внимает совету людей трезвых, добрых, старших и надежных властью.

— Да воздают старейшинам двойную честь, — убеждал он нас, — потому как таков завет Господа!

Вполне может быть, но в устах Вульфхерда это изречение намекало на то, что всех нас собрали не давать советы, а согласиться с тем, что уже заранее решено про-

меж епископом, Этельредом и, как я только что узнал, Этельхельмом Уэссекским.

Этельхельм был вторым по богатству человеком в Уэссексе после короля, своего зятя. Он владел обширными земельными угодьями, а его дружина составляла почти треть в войске западных саксов. Это был главный советник Эдуарда, и его неожиданный приезд в Глевекестр доказывал, что король Уэссекса определился, как хочет поступить с Мерсией. Он послал Этельхельма обнародовать решение, но и тот и другой знали, что Мерсия горда и заносчива. Мерсия не примет Эдуарда королем просто так, ей следует предложить что-то взамен. Но что? Говоря начистоту, Эдуард мог провозгласить себя королем после смерти Этельреда, но такой шаг вызвал бы недовольство, а то и открытое сопротивление. Я уверен, что он хотел заставить Мерсию упрашивать себя и для этого послал Этельхельма. Этельхельма добродушного, Этельхельма щедрого, Этельхельма красноречивого. Этот человек нравился всем. Нравился он и мне, но его присутствие в Глевекестре таило подвох.

Мне удалось проспять почти всю проповедь Вульфхерда, а когда хор затянул очередной бесконечный псалом, Осферт и Финан помогли мне выбраться из церкви. Сын нес Вздох Змея и костыли. Я подчеркивал свою слабость, тяжело опираясь на плечо Финана и шаркая ногами. По большей части это было притворство, но не совсем. Я устал от боли, устал от вонючего гноя, сочащегося из раны. Кое-кто останавливался, чтобы выразить сожаление при виде моего нездоровья, и сочувствие некоторых было искренним, но большинство явно испытывало радость от моего крушения. До ранения я внушал им страх, а теперь они могли без опаски презирать меня.

Предупреждение отца Пенды едва ли имело смысл, потому как Этельхельм поджидал нас в большом зале,

но думается, молодой священник хотел сделать хоть что-то, чтобы отработать полученное от меня золото. Западносаксонского олдермена окружали люди пониже рангом, и все до единого понимали, что настоящая власть в этом зале принадлежит Этельхельму, представителю Эдуарда Уэссекского, ведь без армии западных саксов не было бы и самой Мерсии. Я смотрел на него и гадал, с какой целью он приехал. Это был здоровяк с широким лицом, лысоватый, с приветливой улыбкой и добрыми глазами, которые округлились при виде меня. Стряхнув окружавших его собеседников, он поспешил мне навстречу:

— Дорогой мой господин Утред!

— Господин Этельхельм! — Я постарался, чтобы мой голос звучал прерывисто и хрипло.

— Дорогой мой господин Утред, — повторил он, заключив мою ладонь в свои. — Нет слов, способных передать, что я чувствую! Скажи, что я могу сделать для тебя? — Он стиснул мою руку. — Только скажи!

— Ты можешь дать мне умереть с миром, — ответил я.

— Уверен, тебе отпущено еще много лет, — возразил олдермен. — В отличие от моей дорогой супруги.

То была новость. Я знал, что Этельхельм женат на бледном, худосочном создании, которое принесло ему в приданое половину Дефнаскира. Каким-то образом этой несчастной удалось произвести на свет целую череду крепких, толстеньких малышей. Чудо, что она протянула так долго.

— Мне жаль, — прошамкал я.

— Она хворает, бедняжка. Вся истончала, и конец уже близок.

Особой печали в его голосе не чувствовалось. Впрочем, я предполагал, что брак с подобной видению женой был заключен лишь ради расширения земельных владений.

— Когда я женюсь снова, то надеюсь, что ты приедешь на свадьбу! — продолжил Этельхельм.

— Если доживу, — скулил я.

— Еще как доживешь! Я буду за тебя молиться!

Ему бы и за Этельреда не мешало помолиться. Властитель Мерсии не присутствовал на церковной службе, но ждал нас, восседая на троне, установленном на помосте в западном конце большого зала. Он сидел сторбившись, смотрел перед собой пустым взглядом, а тело его было укутано в просторный плащ из бобрового меха. Рыжие волосы поседели, хотя бóльшая часть шевелюры пряталась под шерстяной шапочкой, скрывавшей, как я предположил, его рану. Я никогда не любил Этельреда, но ощутил жалость. Он, должно быть, уловил мой взгляд, потому как встрепенулся, поднял голову и посмотрел через зал туда, где я усаживался в задних рядах на скамью. Он пялился на меня с минуту, потом откинул голову на высокую спинку сиденья, а его рот безвольно приоткрылся.

На помост взобрался епископ Вульфхерд. Я боялся, что он разразится очередной проповедью, но вместо этого прелат постучал посохом по дощатому полу, а когда тишина установилась, ограничился кратким напутствием. Этельхельм, как я подметил, скромно сел чуть в стороне от собрания. Эрдвульф разместился у противоположной стены, а между ними ерзали на неудобных скамьях лучшие люди Мерсии. Дружинники Этельреда — единственные вооруженные люди в зале — выстроились вдоль стен. В дверь протиснулся мой сын и присел рядом.

— Мечи в безопасности, — прошептал он. — Ситрик здесь?

— Здесь.

Епископ Вульфхерд говорил так тихо, что мне пришлось наклониться, чтобы ничего не упустить, а наклоняться вперед было больно. Но я терпел и слушал. Лорду

Этельреду доставляет удовольствие, вещал прелат, видеть Мерсию наслаждающейся в последнее время миром и покоем.

— Мы добыли землю силой своих мечей, — вещал Вульфхерд. — И милостью Господа изгнали язычников с полей, которые возделывали наши предки. Мы благодарим Бога за это!

— Аминь! — громогласно вступил Этельхельм.

— Этим мы обязаны победе, которую одержал в прошлом году господин Этельред при помощи надежных западносаксонских союзников, — продолжал епископ. Он указал на Этельхельма, и весь зал наполнился топотом ног — так мужи совета выражали свое одобрение.

«Вот ублюдок! — подумал я. — Этельред получил рану сзади, а битву выиграла мои воины, не его».

Прелат дождался тишины.

— Мы обрели земли, хорошие пахотные земли, — снова заговорил Вульфхерд. — И господин Этельред с удовольствием награждает ею тех, кто в прошлом году сражался бок о бок с ним.

Тут епископ указал на стол у стены зала, где за грудой документов располагались два священника. Ничем не прикрытая взятка: поддерживай все предложения Этельреда и получишь поместье.

— Мне там ничего не причитается, — буркнул я.

— Он выделит тебе достаточно земли для могилы, господин, — хмыкнул Финан.

— Тем не менее, — Вульфхерд немного возвысил голос, и я смог снова откинуться к стене, — язычники удерживают города, являющиеся частью нашего древнего королевства. Они все еще оскверняют нашу землю своим присутствием, и, если мы хотим передать нашим детям поля, которые пахали наши предки, нам следует препоясать чресла и изгнать нечестивых, как Иисус Навин изгнал грешников из Иерихона!

Священник помолчал, видимо ожидая очередной порции топота, но в зале висела тишина. Он призывал нас сражаться, как прежде, но епископ Вульфхерд был не из тех, кто способен вдохновить других на кровавое дело и встать в «стену щитов» против оскаленных копейщиков-данов.

— Но сражаться мы будем не одни, — повел дальше прелат. — Господин Этельхельм прибыл из Уэссекса с целью заверить нас, а точнее, даже пообещать, что войско западных саксов выступит вместе с нами!

Заявление вызвало радостный гомон. Похоже, драться будет кто-то другой, и Этельхельм поднялся по деревянным ступенькам на помост под дружный топот. Он улыбнулся всему залу — здоровяк, чувствующий себя здесь как рыба в воде. Золотая цепь блестела поверх укрытой кольчугой груди.

— У меня нет права говорить в этом благородном собрании, — скромно начал он, и его могучий голос заполнил весь зал. — Но если лорд Этельред позволит...

Он повернулся, и Этельред ухитрился кивнуть.

— Мой король ежедневно возносит молитвы за королевство Мерсию, — продолжил Этельхельм. — Он просит о победе над язычниками. Государь благодарит Бога за победу, дарованную вам в прошлом году. И еще, лорды, давайте не будем забывать, что это господин Утред дал тот бой! Это он получил тогда рану! Это он заманил нечестивых в ловушку и предал их под наши мечи!

Это было неожиданно. В зале не нашлось бы ни одного человека, не знавшего о враждебности Этельреда ко мне, и вот теперь меня превозносят здесь, в жилище Этельреда? На меня стали оборачиваться, затем кто-то топнул ногой, и вскоре весь зал наполнился шумом. Даже Этельред ухитрился дважды пристукнуть рукой о кресло. Этельхельм сиял, я же хранил невозмутимость, пытаясь угадать, какая змея таится под сенью этой непредвиденной лести.

— Для моего короля удовольствие, — сообщил Этельхельм, когда грохот поутих, — содержать мощные силы в Лундене. Эта армия всегда готова отразить данов, наводняющих восточную часть нашей страны.

Заявление было встречено молчанием, и это едва ли стоило счесть сюрпризом. Лунден, крупнейший в Британии город, являлся частью Мерсии, но вот уже много лет находился под управлением западных саксов. Этельхельм намекал, хотя и уклончиво, что отныне город официально становится частью Уэссекса, и люди в зале уловили посыл. Он мог им не нравиться, но если такова была цена за помощь западных саксов в войне с данами, то она уже заплачена и потому приемлема.

— Мы сохраним эту могучую армию на востоке, — заявил Этельхельм. — Армию, предназначением которой является вернуть Восточную Англию под власть саксов. Вам же, лорды, предстоит держать армию здесь, на западе. И вместе мы сумеем изгнать язычников с нашей земли! Мы будем сражаться заодно! — Он помолчал, озирая зал, потом повторил последнее слово: — Заодно!

И на этом остановился. Это была очень резкая концовка. Олдермен улыбнулся епископу, улыбнулся примолкшим людям на скамьях перед ним и сошел с помоста.

«Заодно», — обронил он, и это определенно означало брак поневоле между Уэссексом и Мерсией. Змея, похоже, скоро выползет на волю.

Пока говорил Этельхельм, епископ Вульфхерд присел, но теперь снова поднялся.

— Необходимо, лорды, — произнес он, — чтобы мы собрали мерсийскую армию, которая освободит северную часть нашей страны от последних язычников и тем самым распространит власть Христа во всех частях нашего древнего королевства.

СОДЕРЖАНИЕ

Географические названия	9
Пролог	11
Часть первая. УМИРАЮЩИЙ ЛОРД	41
Часть вторая. ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА МЕРСИИ	125
Часть третья. БОГ ВОЙНЫ	241
Историческая справка	379